

Вероника Жданова

**Дорогу осилит
идуший...**

Вероника Жданова
Дорогу осилит идущий...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42923949

ISBN 9785449699916

Аннотация

Моим мальчишкам. Когда-нибудь и вам захочется о чем-то рассказать своим детям. Удивительно, как много людей случается в нашей жизни.

Содержание

Стул...	6
Гостья...	9
Детали...	17
Женщины...	20
Куртка...	29
Памятник...	42
Перевод...	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дорогу осилит идущий...

Вероника Жданова

© Вероника Жданова, 2019

ISBN 978-5-4496-9991-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Полковнику никто не пишет...

Ощущение нищеты и безысходности врезалось мне в память. Почему-то всегда жаль детей и стариков. Особенно если не можешь ничего дать им взамен на их преданность и надежду. Читая строки знакомого произведения, я кажется, наяву вижу худую смуглую шею в желтоватом тесном воротничке и узловатые высохшие руки в стареньких потертых манжетах. Ком в горле. Отчаяние и безысходность и между ними тонкий, как серп луны, как ребро монеты, как влажный след от чашки на столе, призрачный ореол надежды...

И он, этот призрачный ореол, ведет нас за собой, пока мы мечтаем- мы проживаем свои лучшие моменты, странствуем во времени, растрачивая каждый по сво-

ему свои «сто лет одиночества».

Полковнику никто не пишет... А я жду строчек, писем, телеграмм, перемен, новостей, новых надежд и старых любимых лиц. И вместо этого все чаще приходит осознание того, что жизнь проходит слишком быстро... что многое прожито не так и пережито зря. И я живу одним днем, поставив все, что имею на единственную свою возможность и надежду, заложив все, что есть в душе и за душой.

Мне подарили старую картину. «Сейчас мы ее подновим, почистим, слишком уж грязная!» сказал Дед и в своем суетливом желании помочь мне, перепутал бутылки. «Аппппл!» – потянулась и смазалась краска на краешке холста. Я гневно вскрикнула и тут же увидела худые лопатки согнутой над картиной спины. Лопатки обтянутые старенькой пижамой. Потом – испуганные близорукие глаза и суетливую дрожь рук. «Я сейчас все исправлю! Сейчас!» Жгучий стыд заливал мне лицо, я не могу смотреть ему в лицо. «Дед, все нормально! Все хорошо!» – обнимаю я его, сдерживая слезы.

А сейчас, глядя на этот смазанный край картины, я не сдерживаюсь и плачу. Прости меня, Дед! Полковнику никто не пишет...

Стул...

Мне повезло в жизни – у меня всегда была своя комната. Несмотря на многочисленные переезды и наличие младшей сестры, а потом и брата. Иногда это был просто уголок в прихожей или спальне, иногда целая комната. Но каждое «свое» место я почему-то считала комнатой. А началось все с венского стула. При очередном переезде я заполучила в придачу к шаткому столику и солдатской кровати что-то абсолютно непривычное – стул. Никогда раньше не придавалось особого значения- на чем сидеть. Мебель была вся казенная, армейская, с номерами на ножках. На кухне стояли серые тяжелые табуреты, в комнатах скрипучие «дермантиновые» стулья. А это был стул какой-то настоящий, с изящными гнутыми ножками и лакированной овальной спинкой, с мягким полосатым сиденьем, воздушно-застенчивый. Стоит ли говорить, что я влюбилась в эту вещь сразу и навсегда. С самого первого мгновения стул стал моим прибежищем, именно на нем так сладко мечталось в темной комнате у распахнутого окна. Раздраженные моим вечным пренебрежением к домашним обязанностям и полным отсутствием интереса к куклам и вышивкам, родители были поражены тем, как я любила этот стул. Ма-

ма, пытавшаяся вырастить во мне «хорошую девочку» и покупавшая бесконечные наборы для рукоделия не могла понять моего трепетного отношения к трофейной деревяшке. У стула были свои секреты. На обратной стороне сиденья, ближе к задней ножке виднелись остатки какой-то лиловой печати, и имелось выжженное клеймо с замысловатым завитком. А самое главное – на нем не было инвентарного номера. В голове у меня просто роились таинственные истории про бывших хозяев стула. В основном это были короли и феи. Наша соседка однажды сказала мне, что в жизни каждого человека есть своя звезда, которая дается при рождении и раз в девять лет ее свет доходит до ее владельца. Очень важно в этот день не проспать и встретить это далекое послание, чтобы знать, как прожить следующие девять лет. В свой день рождения я полночи просидела на стуле у темного окна, выглядывая свою звезду, и мне казалось, что ее свет гладил меня теплым лучом по щеке и следующие девять лет жизни казались совершенно безоблачными. На этом стуле лучше всего делались уроки и читались книги, рисовалось и лепилось, думалось и игралось, на нем я провела первую в жизни одинокую рождественскую ночь. Специальной тряпочкой я полировала его изгибы и смахивала несуществующую пыль. Никому не разрешалось сидеть на нем. Но гря-

нул переезд, и стул был оставлен, как прежде мое любимое пианино и круглый аквариум для рыбок.

Гостья...

Пределом мечтаний в детстве был домашний питомец. Хоть какой-нибудь. Но все попытки принести что-либо из живности в дом мамой пресекались на корню. Поэтому я довольствовалась малым – светлячками и кузнечиками, улитками и лягушками. Удобнее были лягушки, конечно. Особенно если их принести из замерзшего пруда и положить оттаивать под батареей. Самыми неинтересными были червяки, потому что у них не было морды. Однажды у нас конечно же были рыбки, но это совсем другая история. В тот день все было здорово. К двенадцати я отправилась на день рождения к однокласснице Людке Р. Мы были совсем взрослыми, 2 класс, и поэтому приглашение тоже было взрослым «на чашку чая». Слегка портила настроение Ирка, которую мама тут же «прислонила» ко мне. Мы вышли с опозданием, поэтому я шагала быстро по тропинке проложенной среди заснеженных сопок, а она, запыхавшись, то догоняла меня, то отставала, но ныть боялась, потому что была уверена, что я ее там и оставлю. День выдался теплый и к железнодорожной станции, где жила Людка, мы все же подошли вовремя. Людкина мама не знала чем больше восхититься – подарком, моим бархатным платицем или Иркиной башкой в локонах и бантах. Но после того, как Ирка уселась толстой попой на две подушки, положенные на стул и аккуратно расправила

плиссированную юбку – предпочтение было отдано ей навечно. Праздник пролетел быстро, за окном неожиданно как-то стемнело и мы отправились в обратный путь, прижимая к груди свертки с угощением на вынос. К вечеру поднялся ветер и замел следы тропинки снегом. Пришлось идти по дороге. Это было и дальше и медленнее, потому что то и дело приходилось отступать в снег, чтобы не попасть под колеса военной техники возвращавшейся с полигона. «Мама запретила здесь ходить, запретила!» – затынула Ирка, не понимая, что занесенную тропинку в сумерках нам все равно не найти. «Замерзла, замерзла...» – канючила она, хотя я знала, что сними с нее цигейковую шапку – вся башка будет у нее мокрая. Колонна наконец-то прошла мимо, и мы выбрались на дорогу. Идти сразу стало легче. «В туалет, хочу в туалет!» Я представила все Иркины колготки-трусы-рейтузы и сказала: «Терпи... Нечего было столько пить лимонада!» Огоньки колонны растаяли далеко впереди, огоньков жд станции тоже не было видно, в небе стояла полная луна. Чтобы увидеть огни домов, нужно было еще добраться до верхушки сопки. Ветер стих. «Ладно», – сказала я отходя к обочине, – «Иди сюда, помогу тебе». «Не хочу уже, не хочу! Домой!» – пропыхтела она в ответ. Я остановилась, чтобы подождать ее и тут на обочине увидела что-то темное. Увидеть что-то темное в сверкающем под луной снеге было так же неожиданно, как увидеть сугроб среди травы. Я подошла поближе – какое-то большое животное, вытянув

длинные ноги, лежало на снегу. «Наверное это теленок!» – подумала я. «Бедненький! Упал и замерзает!» «Иди сюда, скорее! Смотри, что я нашла!» – закричала я Ирке. Мы вместе наклонились над темным животным, пытаясь разглядеть его как следует. Вместо ног с копытцами у него были пятнистые лапы. Животное прерывисто дышало. «Он нас боится!» – сказала Ирка, и мы чуть отошли. Отставшая от колонны машина загнала нас в снег, и, приближаясь, осветила долгим светом нашу находку. На снеговой подушке лежала милая кошачья голова с кисточками на ушах, ее приоткрытые глаза светились зеленоватым светом. Сквозь острые клыки виднелся темный язык. «Она нас не укусит?» – «Конечно нет! Мы же ее спасаем!» Я решительно взялась за голову, пытаясь приподнять животное. Голова мягко откинута в сторону, лапы вытянулись еще больше. «Бери за лапы!» – командовала я, но как мы ни старались ноша была для нас слишком тяжела. Забыв свои свертки с угощением, мы побежали за санками. Огни дома приближались к нам так быстро, что мы обе запыхались и едва дышали. Дома никого не было. Ухватив, заодно, и санки соседского Славки мы бросились обратно. Ирка бежала молча, но было понятно, что она плачет, то ли от усталости, то ли от того, что так жарко бежать в шубе. Я больше всего боялась, что наша находка нас не дождетя. Но она была на месте. И даже смотрела на нас полуоткрытыми глазами. Мы стали подтягивать к ней санки. Внезапно она сморщила морду, чуть слышно

зашипела и уснула. Потихоньку мы потянули санки к дому. Дома, по прежнему, никого не было и побоявшись, что мама будет ругать нас за мокрый ковер, мы уложили нашу гостью в прихожей, укрыв половичком. «Мой руки, как следует и надевай пижаму!» – приказала я Ирке и уселась поджидать родителей на диване в гостиной. Время от времени я подходила к нашей гостье и прислушивалась. Она спала «как убитая». Потом подходила к Ирке – та спала «как пшеницу продавши». Я была совсем взрослая и могла не спать долго. А родителей все не было и не было. Внизу, в части, прошли с песней солдаты, у них уже был отбой. Наш дом тоже готовился ко сну. Все реже хлопала дверь подъезда, все тише были шаги по соседству, не шумела вода в трубах. Наконец сон сморил и меня. После событий дня и морозного воздуха сон был так крепок, что я не слышала испуганного вскрика мамы, приглушенного смеха отца, удивленных голосов соседей и шлепанья тряпки по полу. Утром все было как всегда. Солнце скользило по чистому полу в прихожей, санки стояли у двери. «А где...?» – «Ушла. Проснулась, выпила молока и ушла...» – сказал папа не опуская газеты, а мама отвернулась к плите налить себе кофе.

«Все ты врешь!» – сказал вечером на горке мне Славка. «Вы взяли мои санки, чтобы покататься вдвоем! Мама сказала, что мы их теперь на балкон ставить будем!»

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ...

Случилось так, что на свой день рождения я попала к нашей Бабе. Заранее о приезде сообщать не стала, просто сказала, что к дню рождения буду и приехала. Не те у нее года, чтобы делать сюрпризы. Приехала ранним поездом, чтобы успеть к завтраку. Покупая билеты заранее, срачивая рейсы самолета, поезда и автобуса так, чтобы успеть к определенному часу повергла в полное изумление кассиршу своим непременно точным часом прибытия в место назначения. Успела. Позвонила в дверь. После звонка минуты три слушала препирательства в прихожей – кому открывать дверь. Потом скрип половиц, походка «шлеп-нога» и звонок телефона на тумбочке в прихожей. Пауза. Ворчание: " Звонят тут все сразу...» В телефон: А? Да? Чего это я не расслышала?! Все я прекрасно слышу! И что вы говорите? И что это будет за полкило? Ну ладно, обойдусь, нечего мне было звонить с такими ценами! Вы же знаете, что ко мне пришли!!! Хрясь. Тяжелая черная эбонитовая трубка уже на месте. В детстве мы всем хвастались, что наш телефон показывают в фильмах про войну. Распахивается дверь:

«Ааа... явилась!» Неизменная фраза во все времена. "Ноги вытирай!" На заднем плане маячит «консьержка», подкатывающая глаза к потолку от смеха. «Руки мой! Завтракать будем!»

Все, я дома. Не было года полного проблем, тревог, стрессов, маленьких и больших радостей. Время стоит здесь без

перемен, тягучее, как прошлогодний мед.

– Ну? Живы? Все? Ну и ладно! Рыбу привезла? А приправу? Могла бы и побольше допереть! При чем тут лишний вес? Я из Цхалтубо в 68-м вино и фрукты ящиками везла!

– А подарки всем привезла? И мне? Что ты такого привезти можешь?! Ну ладно! А кому? Ангелине? Нелли не дари, я с ней поругалась! А Мирре тоже привезла? Вот хорошо, мне отдашь!! Почему? Она же умерла! Почему не общили?! Она ж нам не родня! И сын у нее еврей и жадина! Повезло ей... Сын богатый, с образованием, свою похоронную компанию имеет. Деловой. Ни копейки на похороны не потратит!! Интересно, кому же все ее деньги достанутся?! Я представляю лицо покойной уже, дорогой моей Мирры и мысленно ей подмигиваю. Уверена, что и там она подсмеивается на Бабой.

– Ну все, мойте посуду, у меня сериал начинается! – «шлеп-нога» перемещается в гостиную, а мы уже не сдерживаемся от смеха и втихаря наливаем по рюмке вишневой наливки – за встречу...

В свой день рождения я просыпаюсь рано. Я у Бабы. Это как кусочек детства и меня обволакивает счастьем безвременья. Запах сушеных груш и крахмального белья. Скрип полов на кухне. Готовится завтрак. Бабе – 92, но она по прежнему готовит и стирает сама, прачечной брезгует, а «консьержка» -«распуستا». На кухне букетик подснежников. Это тра-

диция начинать новый год жизни с подснежников. Здесь это помнят. Кто-то передал их, зная о моем приезде. Настанет, наверное, день, когда передать этот букетик будет некому. Но пока вот он, трепетно-белоснежный. Шумит на газу чайник. Умиротворение. Время остановилось. Вокруг тени дорогих и уже ушедших. Все со мной в этот день. Что еще нужно в подарок? Только поддержка из прошлого, которая даст толчок в будущее...

С девяти утра звонки и поздравления.

– Иди, небось тебе звонят! Мне уж никто и не позвонит! Поумирали! Поговорить толком не с кем! Вот посмотришь, Ангелина младше меня на пять лет, а морщины у нее – просто ужас!

– Это сколько уже тебе сегодня? Ужас какой! Ты знаешь, твоя мать в этом возрасте уже умерла! Мда... Пора тебе уж крем купить для морщин! Мда... Я-то первый раз губы в тридцать лет накрасила!

– А давай пригласим кого-нибудь? Кого хочешь, все же твой день рождения!!! У меня есть дорогое вино! Только девочек этих своих не зови, я их терпеть не могу. И выпьют все. Нелю тоже не зови, я с ней давеча поссорилась... И мужчины мне тут в гостях тоже не нужны – видишь я на кого стала похожа? И без прически!

– А давай позовем тех, кто меня в прошлом году с юбилеем поздравлял. У меня все на стол накрыть есть. Вот еще только рыбки твоей порежем, икру откроем... Дай попробую рыбки-то кусочек... Не испортилась ли... Мда... Вкуснотища... А зачем всех звать? Придется и грибы белые открывать, и сервелат резать... Пригласи всех кого хочешь в ресторан и посуду мыть не нужно... Если хочешь я тебе и денег дам на ресторан... Потом... когда уезжать будешь...

– Ну как погуляли? Что ели? Много выпили? А что подарили? Ерунда какая-то, лишь бы подарить!!! Говорила, надо было стол накрыть дома и дешевле бы вышло!!! Дай-ка крем понюхаю. Терпеть не могу такой запах. Поставь мне на полочку в ванной, мой уже закончился. Кто его подарил тебе? Я так и думала, что Лариска! Распушта она!

Детали...

Меня всегда интересуют детали. Например, я не вдохновлюсь приключениями героев на необитаемом острове, пока мне не покажут, чем они питаются и куда ходят в туалет. В самых романтических моментах в фильме мне нужно знать – куда они дели сумку и заплатили ли за ресторан. В жизни меня всегда интересует – на что живет человек. А в новых для себя местах и помещениях я первым делом интересуюсь, где запасной выход и туалет. Вот так нудно я устроена. Всю романтику для меня всегда отравляют детали.

Октябрь в Париже встретил нас неласково. Как-то уж слишком серо, ветрено и промозгло было там. Будь я одна, то уже давно бы поменяла билет и помчалась навстречу солнцу. Но сыну Париж нравился и такой, потому что у него был разработан целый план на три дня. План довольно своеобразный: определенный памятник в Версале (1 раз), определенная гробница в Нотр-Дам (3! раза), какая-то выставка (тоже 3 раза!) и так далее. Вечером он сосредоточенно что-то черкал в крошечном блокнотике и удовлетворенно похмыкивал. Я обеспечивала «ненавистные детали» – питание, проживание и даже туалеты, чего уж там! Чем хуже становилась погода, тем тяжелее мне было таскаться по всем намеченным маршрутам. Но, увы, раз уж привезла – терпи. «Лишь бы мой крошка был счастлив!» – подумала бы любая образцо-

вая мать, но я шипела и вредничала, отчаянно мерзла и все время хотела в туалет. В третий раз навещать гробницу кого-то там я наотрез отказалась, пока не схожу в туалет. Сын терпеливо вздохнул, и побрел за мной, оглядываясь на громаду собора. «Это недолго!» – успокоила я его, и мы спустились вниз. Очередь начиналась прямо у последней ступеньки, делилась по гендерному признаку и скрывалась за поворотом. Сын ухмыльнулся, погладил меня по макушке и достал наушники. Очередь продвигалась неспешно. За поворотом, которого мы настигли минут через двадцать, открылся вид на две колонны понурых в ожидании голов. Все расы, национальности, социальные слои и прослойки молча стояли объединенные единым желанием. Даааа...все возвышенное и великое может подождать, а вот человеческое естество – нет.. В животе у меня стало предательски побулькивать от сдерживаемого смеха, я поджала губы и скосила глаза в сторону и вниз, чтобы соответствовать общему порыву. «Мама! Только не смейтесь! Пожалуйста!» – проговорил сын, но мне уже было не сдержаться. Смеяться, так же как и писать я могу упоительно долго. Очередь стала оборачиваться. Сын сделал вид, что он не со мной. Впереди две смешливые бразильянки закатились тоже. Всплеснула ладошками какая-то бабулька, заржали немцы и понеслось. Хоча заходили в кабинки. Туалет обслуживали африканки, не берусь определить из какой страны, но все они были похожи на Бегемотиху из «Мадагаскара». Одна из них, поддав-

шись всеобщему веселью, вдруг включила музыку и завертела попой под африканские ритмы. Такой вот бегемочьей попой, необыкновенно женственной и тяжелой, что первых в очереди с мужской стороны уже пришлось вталкивать в кабинку. Иначе их жены и подруги из другой очереди тормозили нашу колонну, контролируя своих мужчин. Уже три грации из «Мадагаскара» самозабвенно танцевали, покачивая мощными бедрами, потрясывая попами, полу-приседая в такт, показывая розовые ладошки и влажные перламутровые зубы. Про очередь забыли. Народ хлопал в ладоши, подпевал и даже приплясывал сам. Из туалета выходить не хотелось. Монетки сыпались звонким потоком не столько за туалет, сколько за танец, и благодарные уборщицы залиvistо смеялись, не забывая при этом наводить порядок в кабинках. Дошла и наша очередь. «Прима!» – только и смогла я сказать, обессиленная смехом. «Ха!» – выдохнула Бегемотиха и протолкнула меня вперед перед зазевавшейся теткой. В третий раз к гробнице мы не пошли. А просто гуляли по улицам, продолжая смеяться и повторять африканские па.

Женщины...

Звонки ночью всегда пугают. Но я привыкла к ночным звонкам, мне часто звонят в неурочный час. Половина четвертого, начались схватки у соседкиной дочери. Мой муж ворчит спрpsonья: « Действительно, кому ж еще можно позвонить! Дай-ка я соображу! В городе, в стране и вообще на планете видимо отменили скорые помощи!» Мужчина. Ему не понять, что перед тем, как останешься один на один с болью, ожиданием, нежилым кафелем операционной, в окружении чужих людей, так хочется еще чуточку тепла и участия, которые ободрят и дадут сил. В приезде «скорой» какое-то отрицание человеческой душевности. Есть в нашей жизни моменты, когда остаешься один на один с испытанием, и никто не может взять твою ношу на себя или хотя бы разделить ее. Ты должен пройти это сам. С женщинами это случается чаще. Ночь нежна и душиста, прощита стрекотом цикад, укрыта лунной кисеей. Молча несемся по серпантину, трасса свободна и только сзади давят нас две ксеноновые фары. Угрожающе заливают агрессивным светом зеркала и стекла, слепят глаза. Невольно сбрасываю скорость, слегка подвигаюсь на узком повороте и мощный внедорожник, гордо сигналив, перегоняет нас. « Наверное, сильно торопится!» – вздыхает соседка, и мы заливаемся смехом. В самом деле, нам, как на ночной прогулке, торопиться

ся просто некуда. Роженица шумно втягивает воздух и ерзает на сиденье. Украдкой взглядывает на часы. Время между схватками пятнадцать минут. На нас обрушиваются воспоминания, смешные детали, забытые ощущения. На мгновение мерещится забытый запах родильного отделения. Смеемся. Болтаем о детском приданом, мужских странностях, коварном целлюлите и кормлении грудью. Мы сейчас заодно, мы- сила в этом ночном мире. Десять минут. Громада роддома неприветливо встречает темными окнами. Корпуса спят, прильнув друг к другу, прижмутив тусклые фонари над входом в приемный покой. Сонная медсестра неторопливо пропускает нас внутрь. Пять минут. Ждем дежурного врача. Помогаем надеть тапки нашей роженице. В дверях испуганное девичье личико – это врач. Три минуты. Виновница нашего ночного заезда со стоном втягивает воздух. С подола на пол набегает лужица. В недоумении смотрю, как ее уводят. Мы ж втроем! В животе у меня подозрительно пульсирует и тянет поясницу. Мама роженицы нервно мнет пачку сигарет. Мы ждем вещи и какого-то прощания. Где-то в недрах приемного покоя что-то бесконечно шуршит, суетит, падает. Хлопают то ли двери, то ли окна. Шумит вода. Шлепают тапки. Раздается крик ребенка. Это ни с чем не спутаешь. Соседка кидается к двери. Через секунду матерая санитарка ловко выкидывает ее обратно в приемную. Еще через полчаса мы несемся по темной трассе обратно. Стремительные роды, девочка, три триста, родилась прямо на кушетке

в смотровой. Мама в порядке. Соседка беспрерывно курит, у меня болит живот. В душе смутное сожаление, что с нами уже этого никогда не случится. У нас уже все случилось. И как хорошо, что все же случилось. Встает солнце.

НЮРА...

В контору приняли на работу еще одну женщину. Уборщицей. Нюра ее сторонила. И всегда старалась выйти из кабинета, когда она мыла пол. Женщина была «оттуда», и хотя она ни одним взглядом или словом не давала знать об этом, что-то этакое было в ее глазах, от чего даже строгий начальник-горбун ёжился и чувствовал себя неуютно. Маленькая и какая-то вся подобранная, скупая в эмоциях, продуманная до мелочей в движениях, она, казалось жила каким-то своим внутренним миром и, главное, была в полном согласии с ним.. Она была из тех людей, которых никогда и ни при каких обстоятельствах не застанешь врасплох. Однажды, оставшись наедине с засидевшейся за отчетом Нюрой, она даже не взглянула в ее сторону, отмывая затоптанные за день половицы, а та, поджав ноги, чтобы не мешать мытью полов, не могла больше работать, боясь, что та с ней заговорит. А Нюра больше всего на свете боялась, что кто-то вдруг увидит, что и она «оттуда». Поселили уборщицу на той же улице, что и Нюру, и к вечеру уже все знали, что уборщица в конторе- бывший военврач.

* **

А девочка росла, не причиняя Нюре никаких особенных хлопот. Они как бы существовали параллельно, почти не пересекаясь. Возвращаясь поздно вечером, она слышала в темноте легкое дыхание и находила разобранную для себя постель, а утром отмечала и аккуратно сложенную на стуле одежду, и вымытую белую чашку. Однажды на столе Нюра обнаружила школьный аттестат и похвальную грамоту. Первый класс русской школы №1 города Боржоми был закончен на одни пятерки. В школе девочку любили. Да и школа была маленькая и дружная, как одна семья. Один только недостаток был в этой русской школе – по-русски там говорили только учительница и девочка.

Долгие летние дни проходили в играх и забавах. Дети носились по улице, ели там, где накормят, плескались в горной речушке до посинения и к вечеру засыпали мгновенно, переполненные впечатлениями дня. Было голодно, но девочка знала один секрет – если напиться в уличном фонтанчике боржоми, то голод отступал на целых полчаса, а потом же можно прибежать к фонтанчику еще и еще раз.

Нюра до дрожи в коленях боялась собак, и они это чувствовали. Хозяйский пес, серо-белый огромный «кавказец», даже не лаял, а просто тихонько рычал, когда она быстрым шагом проходила к крыльцу, и у Нюры заходило сердце. «Он добрый! Не бойся!» – говорила хозяйка, поглаживая

огромную морду. «Добрый-добрый!» – вторила ей девочка, повисая на шее у кудлатой громадины. Иногда ее можно было найти в будке у собаки, где она устраивала «штаб» или на крыше той же будки, где она играла в «самолет». Нюру мурашки пробирали, когда она видела тонкую загорелую ручонку, протягивающую лакомство этому чудовищу. Собака благодарно щурилась, деликатно брала лакомство и отходила в сторону.

Горе пришло, как ему и положено – внезапно, не считаясь с ярким летним солнцем и выходным днем. Встряхивая у веревки мокрую простынь, Нюра увидела то, чему боялась поверить и осознать. Ярко красные струйки стекали между пальцев девочки, которая накрепко сжимала свой рот. Такой же красной была морда у пса. Схватив девочку на руки и пнув прочь со своей дороги пса, Нюра кинулась вверх по улице. Она не спрашивала где, люди ахали, расступались и показывали ей путь. Уборщица просто сидела у окна. Она просто сидела! Сидела и всё! Сидела! Нюра сжала ребенка еще сильнее и завопила: «Сидишь! Ты просто сидишь! Сидишь и всё!» Военврач встала и, не обращая внимания на орущую мать, забрала ребенка. Девочка не хотела отнимать рук от рта, на бледном до синевы лбу появилась испарина, ее бил крупный озноб. «Не бойся!» – ласково сказала ей врач и неожиданно влепила вопящей Нюре хлесткую пощечину. В наступившей тишине она дала поручение застыв-

шей в дверях хозяйке, достала чемоданчик с инструментами и принялась за работу.

Как и предполагалось, девочка выросла редкой красавицей и лишь в сильные морозы, когда до синевы замерзло лицо, на верхней губе проступал тонюсенький серповидный шрам, там где собака вырвала вместе с губой изо рта карамельку, которой ее дразнила девочка. Военврач до войны была пластическим хирургом.

Есть люди копирки, а есть ксероксы. Копирки относятся к более зрелому поколению, оно и понятно, тогда ксероксов не было. А более молодые – те уж точно ксероксы. И если копирка может проявить свою индивидуальность там, где рука дрогнула и линия пошла немного в сторону, то у ксерокса даже при всем желании – шаг вправо, влево, прыжок на месте – катастрофа!

СРАВНЕНИЕ...

Копирка.

Наша соседка тетя Ната приехала из глухой украинской деревни. Она говорила свое «гхэ...» и была вполне счастлива и своей косой до попы, и удачным замужеством за молодым прапорщиком. Пока не увидела наших гарнизонных дам. У них было сразу все, о чем ей мечталось, и выглядели они все так, как она видела «и в журналах, и в кино». Внешность, манеры, образование, вкус и элегантность. Ко-

нечно же, ей больше нравились жены офицеров из второго подъезда. А степенная соседка из квартиры напротив, мать троих детей и отличная хозяйка, посадившая грядку лука на клумбе и тоже жена прапорщика – почему-то нравилась не очень.

И началось... копирование, подражание, а порой обезьяничанье и просто пародия. Тетя Ната проявила артистический талант, копируя понравившиеся ей жесты, позы, походку, фразы и интонации. Окружающие подсмеивались над ней, но она, казалось, действовала по намеченному плану. Коса была обрезана и волосы были выкрашены в модный цвет «каштан», широкие ступни вбиты в туфли на «платформе», попа упакована в мини-юбку. Мы, дети, ее называли тетей Натой, которая всех копирует. Сегодня она была т. Любой с четвертого этажа, завтра т. Люсей с первого, а потом вообще становилась один в один т. Аллой, командиршей. Со временем ее имя стало именем нарицательным. И каждый раз, когда кто-то из нас наряжался как-то уж очень неудачно, мы говорили: «Ну, ты уж совсем, как тетя Ната!» Нынче я иногда вижу т. Нату в Одноклассниках, читаю восторженные комментарии к ее статусам и узнаю в каждой новой фотографии изящно стареющей леди свою мать, соседок с первого и четвертого этажа и даже т. Аллу, командиршу. Интересно, счастливо ли прошла ее жизнь?

Ксерокс.

Она напоминает мне мопса. Живые, черные глаза чуть

на выкате, ничем не примечательное бледное личико. Тщедушное тельце на кривоватых толстеньких ножках. Ступни и кисти рук крупноваты для ее роста, и поэтому лишают ее манеры и наряды изящности. Про таких обычно говорят: «Маленькая собачка – до старости щенок». И неподдельный, всепоглощающий интерес к собеседнику, если он ей нужен, конечно... Она может быть навязчивой и даже непредсказуемой, если ей хочется встретиться с интересным ей человеком.

НО... в этой тщательно причесанной, неврачной головке живут огромные амбиции и претензии к окружающему ее миру. Есть такие люди, которые всю жизнь считают себя обделенными судьбой. Нет, не деньгами или везением, а происхождением. Классика жанра, вроде «Принц и нищий». Они живут с чувством, что их подменили, отдали не в ту семью. С одной стороны они поражают своим упорством, стремясь добиться более высокого положения и попасть в определенные круги. С другой стороны вызывают жалость и некоторую брезгливость, пытаются скрыть свою ординарность и стыдятся своей семьи. Но при этом они паразитируют, питаются чужими знаниями, эмоциями, впечатлениями, копируя в свои жизни целые куски чужих жизней, перенимая традиции и милые привычки. То же происходит и с моей Мопсихой. Она копирует меню чужих праздников, примеряет дизайны чужих жилищ, пробует на вкус чужие радости и пользуется чужими решениями в решении своих

проблем. В общем, снобизм и изысканность в ее интерпретации выглядят довольно комично. Интересно, счастливо проходит ли ее жизнь?

Куртка...

Так вот, о куртке.... Никогда бы не решилась покупать ее сыну сама. Это дело такое, не угадаешь. Да и не хотелось лишать его удовольствия выбрать самому. Сбил меня с толку этот дурацкий плакат в мой рост о скидке в 50%. Название магазина что-то вроде «Дэнди» или еще как-то. В общем гламур, только для мужчин. И в этом магазине были одни парни штук шесть, не считая томного продавца с невероятной челкой и в белоснежном свитере с красными финтифлюшками. Реакция на мое появление там почему-то была примерно такая, как если бы я зашла в мужской туалет. Но на улице уже установилось – 14, мой крошка сын не обзавелся курткой, хотя вру, конечно, в мозгах крутился плакат с цифрой 50%. Когда я взглянула на ценники, то поняла, что даже со скидкой это будет для меня дорого. Продавец откинул челку, многозначительно переглянулся с одним из покупателей и детально рассмотрел меня – от стриженной макушки до кончиков припорошенных пылью сапог. Ценник на моей прическе, ценник на моей куртке.... Да, я совершенно не вписывалась в обстановку магазина... Но я продолжала рассматривать куртки из вредности. Парнишка рядом вздыхал совсем как в рекламе: «А у вас нет такой же, только в горошек!» – «Ну что же ты раньше молчал, что тебе нужна куртка! Все самое классное практически раскупили сра-

зу!» – отвечал ему красавец-продавец. « Ага, ври больше!» – думала я про себя. « Ваш магазин сдулся! Этот район города больше не центр и магазины тут все закрываются или переезжают. Иначе, зачем делать скидку в 50% на сезонный товар!» « Вам помочь?» – кинулся он к паре молодых мужчин, ворошащих стопку джемперов как раз над стойкой с куртками. Наверное, я им мешала, но отходить не собиралась. Слегка подвинулась. Я же подошла первая. Продавец косился на меня, как на лишний элемент в общей картинке. Как потенциальный покупатель я для него уже не существовала. И тут, выдернув одну из курток, я увидела ценник, который устроил бы меня даже без скидки. « Да, ладно!» – подумалось мне, – « В чем подвох?» Повертела, покрутила, рассмотрела и спросила, действительно ли она зимняя. « Жееенщинаааа!» – закатил глаза Томный – « Сейчас не бывает толстых зимних курток! Новые технологии! Вы что не видите, что это...» И, не договорив, помчался к предыдущей паре молодых мужчин. Я еще раз взглянула на ценник, сиротливо повисший на молнии капюшона, на соседнюю куртку, точно такую же, но видимо выполненную в «другой технологии», потому что стоила гораздо дороже, позвонила сыну и решила: « Надо брать!». « Так, давайте уточним, скидка 50% на весь товар?» – подступила я к продавцу. « Жееенщинаааа, ведь висит же постер на входе!» – пронудел он, следя взглядом за выгодными покупателями. Я последовала за его взглядом и увидела такой же презрительно-отчужден-

ный взгляд другого покупателя, который сканировал меня с ног до головы на предмет моей совместимости с интерьером магазина и экстерьером собравшихся. « Молодой человек!» – обратилась я к нему, решив сыграть по их правилам, -« Повернитесь —ка задом, я к вашей спинке курточку приложу! Конечно, вы тощенький, но рост такой же! Если вас не затруднит, конечно же! Тысячу извинений! Кааак вы любезны!» За моей спиной продавец сокрушенно развел руками, что поделать, если в приличные места заходят и такие. Теперь уже все присутствующие уставились на меня. « Все, беру! Упакуйте!» Продавец в изумлении уставился на ценник и сказал: « Выискали же такую цену!» Намек был на самую дешевую куртку в магазине. Но меня было не остановить: « И делим пополам!» -напомнила я. Он демонстративно взял калькулятор и подсчитал. Озвучил сумму чуть громче, чем требовалось. Или это уже была моя предвзятость? Я протянула деньги, без сдачи. Взяла пакет и с облегчением вышла на воздух. Настроение было слегка подпорчено, но чем ближе я подъезжала к дому, тем было радостнее, что еду с обновкой. Сыну куртка понравилась. Я два раза рассказала про чудесную скидку и все такое. Дважды заставила сына ее примерить. Пришел муж и поинтересовался, кто же производитель. Я вывернула куртку в поисках ярлычка и застыла на месте – внутри болтался ценник, с такой же цифрой, что и на соседней куртке в магазине.

МАДОННА...

Мама решила уйти от отца. Накрыла стол к обеду, отец никогда не садился обедать без сервировки. Выстирала и вывесила форменные рубашки за прошедшую неделю и нагладила партию на следующую. Полила цветы. Вымыла полы. Взяла два чемодана «Гросс Германия» с нашей одеждой, вазочку из розового хрусталя и мое ненавистное, но очень дорогое и новое пианино «Петрофф». Все было погружено на военный грузовик. Усаживаясь в машину с морским офицером, она помахала рукой обалдевшим соседкам, попросила присмотреть за мужем и уехала.

Мы, дети, в это время гостили у Бабы и когда посыпались одна за другой тревожные телеграммы от отца, Дом стал напоминать военный штаб. Под руководством Бабы писались вразумляющие и укоряющие письма и телеграммы маме от лица всех родственников и друзей, заказывались междугородние переговоры и билеты на поезд-пароход-самолет. Ставились различные психические диагнозы, и в самом деле, не могла же она уйти «в никуда» от такого мужа, «без пяти минут» генерала. Возникали предположения – одно страшнее другого. От мамы ничего не было, кроме денежных переводов для нас, детей. А ждали слез, покаяния, готовности вернуть все на свои места. Но мама ушла окончательно и решения не изменила. И тут Баба спохватилась – а вещи где? Все эти нажитые -накопленные непосильным трудом за годы работы за границей сервизы, хрустали, дивандэки, ков-

ры, шубы, картины и елочные игрушки, наконец! Дело близились к сентябрю и мама приехала забирать нас к новому месту жительства, к новой семье и к новой жизни. Скандал длился три дня, вплоть до посадки в самолет. Основным рефреном звучало, что девочки, то есть мы, оставлены без приданого и мне в голову закралось страшное предположение, что без сервиза «Мадонна» замуж уж меня точно не возьмут. Прошли годы, но при каждом нашем приезде Бабой извлекался список оставленных отцу вещей и вещей подаренных Бабой, но также оставленных там. Мама приезжала к Бабе редко, и каждый ее приезд также завершался скандалом. А отец тем временем женился на маминой подруге и приезжая к нему в гости, мы чувствовали себя очень уютно с мачехой, которую знали и любили с детства и окруженные вещами, среди которых росли. Зимой, перед отъездом на каникулы к отцу, мама готовила торжественный обед и обе пары собирались вместе за столом, обсуждая наши успехи в школе. Многие сослуживцы отца, вернее, их жены, не понимали маму, вернее ее поступок с вещами, осуждали ее за то, что отказалась от такого хорошего мужа и жалели нас, практически бесприданниц, в связи с отсутствием сервиза «Мадонна» в частности. Оказалось, что многие лучше нас знали, сколько чего было оставлено отцу, и с каждым годом перечень оставленного магическим образом увеличивался. Со временем я разлюбила ездить и к отцу, чтобы не выслушивать гадости про мать от друзей семьи. Прошли годы, как-то очень рано

и неожиданно умерли родители. Потерялась где-то наша любимая мачеха. Забылись все скандалы, ссоры, детали и обстоятельства развода. Лишь иногда Баба по привычке оглашает список утраченного имущества и сама же себя оставливает, вспомнив, что «одних уж нет, а те далече». Пару лет назад я случайно попала в гости к друзьям родителей, они вместе служили в Германии. Было интересно посмотреть на них и представить своих родителей в преклонном возрасте. Ведь они ушли совсем молодыми. Старики развешились, рассматривая старые фотографии и рассказывая курьезные случаи из службы в Германии. Увидев, что я рассматриваю сервант до отказа заполненный немецкими сервизами, статуэтками, пивными бокалами и «дупельками», хозяйка вдруг что-то вспомнила и стала искать в ящиках серванта. После просмотра фотографий вспомнили про старый кинопроектор и я, с щемящей грустью, смотрела на молодых и счастливых родителей танцующих вальс и на себя, несущейся по двору на велосипеде. Время пролетело незаметно, и при прощании хозяйка передала мне пожелтевший бумажный сверток. « Вот возьми! Это ваше. Одолжила у твоей мамы на «отходную» перед «заменой» в Союз и не успела отдать. Всю жизнь хранила, ждала случая вернуть». В газету « Красная звезда» за 1973 год были тщательно запакованы четыре тарелки из сервиза «Мадонна».

МИНИМАЛИСТ...

Я – минималист. Во всем. В вещах, отношениях, расходах, чувствах и эмоциях. Недавно мне подсказали новой слово «интроверт». К сему ли это? Я просто минималист. Любая лишняя вещь – кусок мыла, кастрюля, флакон духов, банка тушенки вызывает у меня ощущение огромных запасов на «черный день» и чувство дискомфорта. Я не знаю почему. У меня есть знакомая с запасами – весь туалет увешан полками с рулонами бумаги, коробками порошка и штабелями мыла и зубной пасты. Я в ее глазах просто ущербна и каждый раз она пытается засунуть мне в сумку пару кусков мыла или пачку чая при прощании. При этом она скорбно поджимает губы, что, мол, мне не понять какие времена они пережили и откуда такая предусмотрительность. Меня эта сцена всегда повергает в шок. Я не была здесь во времена талонов и очередей. Я еженедельно покупала по списку продукты, оплачивала услуги помощницы, и, раз в две недели, заказывала свежие цветы в дом. Теперь кое что изменилось, я также покупаю по списку раз в неделю, но не имею помощницы и сама выращиваю цветы. И даже учусь делать запасы – у меня легко можно найти дома аж два кусочка мыла и пару лишних рулонов бумаги. Но вид больших запасов, по прежнему, мне портит настроение. «Минимализм – это не нормально» – сказала моя знакомая, взирая на мой подгоревший дом и отсутствие моих горестных реакций. «Нормально» видимо – это закатить истерику, раздать оплеухи и упасть в обморок. Но от этого не появится ни дом, ни лиш-

ний кусок пресловутого мыла, а также решения проблем, пути назад и т. д. и т.д...

ОДНАЖДЫ В ВЕНЕ...

Просыпаться совсем уж рано в этом городе моветон. Не хочется видеть и знать рабочих приготовлений в имперском городе. Вылетела на улицу в предвкушении и тут же перешла на степенный шаг. Она, Вена, к этому располагает. Вскоре узкие высокие улицы начинают клубиться народом. Смесь восторженных возгласов, звонков, пощелкивания хлыста, треньканья входных колокольчиков, монотонного, многоязычного гула заполняет их доверху, как кувшин. Так и хочется задрать голову и посмотреть куда же это все улетает. С балкончиков и окон в ответ приветливо улыбаются цветы – гирлянды, корзинки, горшочки гераней, петуний, лобелий. И уже совсем не помнится, зачем смотрел вверх, а руки тянутся к фотоаппарату. Стелется пряный запах из приоткрытых дверей кофеен, остро вторит ему смесь лошадиного пота и кожаной сбруи, умиротворяет увядающая свежесть утренних букетов... И я иду – не знаю еще куда, глазею на сотни разных лиц, останавливаюсь в круговороте экскурсий, попадаю на групповые снимки и застываю перед уличными артистами. Полуденное солнце плющит сидящих в уличных кафе отвесными лучами, дробится в тонких бокалах и граненых кружках. Ход времени замедляется. Жа-

ра. Горячие волны отражаются от средневековых стен. Прячусь в гулкой прохладе Св. Стефана. Уфффф! Высота! Душа парит вверх, под самыми сводами! Рой свечей напоминает россыпи золотистых угольков. В огромной чаше маленькое озерцо святой воды. Прикасаюсь к нему пальцами, переношу вечную таинственную прохладу ко лбу и ощущаю поток благодати во всем теле. На выходе сталкиваюсь с каким-то до боли знакомым лицом, глаза встречаются – миг недоверия, потом удивления, потом радости... наше общее прошлое разбивается о нынешнее настоящее. Не хочется спрашивать, говорить банальности. Хочется просто помолчать рядом – продлить иллюзию вернувшейся молодости.

– Я угощу тебя кофе, хочешь? Нет, непременно угощу! У ВАС такого не достать! На этой улице в два раза дешевле! Не нужно платить! У меня здесь кредит! – перед входом в крошечное кафе стоит два плетеных стула и грязноватый столик.

– Я свободен! Я абсолютно свободный художник! Я рисую много и в удовольствие! ТАМ бы я умер с голоду! – прохаживаемся вдоль рядов рисунков, выполненных карандашом за 10 евро.

– Вот, моя дочь! Между прочим, студентка! Да, она подрабатывает аниматором иногда! – вымазанная мелом и золотистой пылью девушка приветливо машет нам рукой, на мгновение теряюсь и кладу в коробку монетку.

– Ну, давай, расскажи, как вы там выживаете? Ты видела,

КАКИЕ у нас магазины? – пытливый взгляд касается моей сумки, одежды, прически.

Разговор напоминает что-то этакое серое и липкое, из прошлых времен, и магия первого мгновения встречи исчезает. Возникает досада на такую обыденность, на растраченную попросту чужую жизнь, разменянную на пособие, колбасу и муниципальное жилье, на потерянное очарование встречи с молодостью. Плачу за кофе сама, торопливо прощаюсь, напрасно обещаю писать-звонить, отвожу глаза от самодовольного лица и потертого жилета.

Вена не дает задуматься и загрустить, кружит меня в водовороте улиц и выносит к дверям гостиницы. С ключом передают конверт. Ага. Еще одна встреча с прошлым. Правда, на этот раз запланированная.

Ровно в назначенное время сидим в машине, осторожно произношу формальные фразы, улыбаюсь на всякий случай.

– Эй, ты! Стоило ли ехать в такую даль, чтобы спросить меня о погоде! Здорово, что ты здесь! -целует в обе щеки, и проводит ладонью по макушке.

– Мы взяли тебе билет в Оперу! Пойдешь одна – у нас дела, но вечером ужинаем вместе! Расскажешь как там, а то сами-то были только на экскурсии двадцать лет назад! – смешно морщит нос, и я понимаю, что и еще через 20 лет его вряд ли заманишь туда.

– Так, меряй, давай! Уверена, что это тебе нравится? Ненавижу магазины! Ты не меняешься! – это платье в пода-

рок для вечернего выхода в приложение к билету. Кстати, это мой первый поход в Венскую оперу.

Вечер проводим на террасе загородного дома. Дневная жара напоминает о себе теплом от каменной плитки и запахом трав. Свет свечей скрадывает морщинки и годы, глаза блестят, как двадцать пять лет назад. Мы не изменились. Выросли дети, пронеслись события, годы, бытовые бури, страсти и события. Ценности остались те же...

Вчера наводила порядок в гардеробной. Из чехла для вечерних платьев пахло теплым вечером, духами, пылью бархатного партера. Ах, однажды в Вене...

ОТВЕЛИ ОЧЕРЕДЬ...

«Ну вот, отвели очередь...» – говорила Баба после очередного праздника или застолья, вытирая последнюю тарелку. И я сразу понимаю, что праздник уж точно завершился и злюсь-злюсь на нее за это. Я все еще такая радостно-возбужденно-запыхавшаяся и вдруг «отвели очередь..» А она говорила это с облегчением, думая уже о завтрашнем дне. Тяжеленные, серебряные ножи и вилки убирались в горку, салфетки ручной работы замачивались в какой-то сложный раствор от пятен, стулья составлялись горкой, чтобы с утра легче было мыть полы и чистить ковры. Дом постепенно затихал после веселья, готовился ко сну. Местные гости разошлись, а те, кто остался ночевать в Доме все еще допивали чай, курили на веранде, прохаживались по дорожкам ночью-

го сада, слышались взрывы приглушенного смеха и торопливый шепот.. Дед в неизменной полосатой «курортной» пижаме обходил гостевые комнаты, проверяя кого и как расположили на ночь. Пахло свежим бельем, лавандово-фиалковым саше, покоем... В кухне постукивали стеклянные дверцы буфета, слышалось шипение сифонов с газировкой, шумела вода в ванной комнате... Далеко за полночь все расходились по комнатам. В кухне и столовой все еще горел свет, а я пробиралась в темный зал. Мне так хотелось еще посидеть там, застать уходящий праздник. Свет из раздаточного оконца падал на охапки цветов принесенных гостями, на груды полу распакованных подарков. Все еще пахло чужими духами, немного табаком, мерещился шелест шелка, потрескивание плиток шоколада, позвякивание хрустальных пробок графинов... Отвели очередь... отвели очередь... Свадьбы... именины... похороны... «кресбины»... снова похороны... снова свадьбы... отвели очередь...

Утро встречало всех сверкающими полами, влажными после чистки коврами и пышными оладьями на завтрак. Ни слова о вчерашнем празднике. Подарки убраны. Цветы расставлены по комнатам. Салфетки дожидаются своей очереди на гладильной доске. В столовой смех и шутки, отменный аппетит и планы на день. Дед в белоснежной рубашке с подтянутыми на резинках манжетами – ему ехать в клинику — серьезно «как врач» рекомендует всем опохмелиться. Снова взрыв смеха и я думаю на зло Бабе: «Не отвели очередь,

не отвели!»

Теперь уж нет Деда, нет Дома, праздники стали скромнее. Меньше цветов, гостей и подарков. Почти никто не остается с ночевкой, квартирка слишком мала для приемов. Теперь и мне столько же лет, сколько было Бабе в те времена. Вернувшись вчера из гостей, уже в постели вдруг подумалось: "Ну вот, отвели очередь..."» И снова перед глазами мои красавицы тетки и их кавалеры, Баба с модным перманентом на голове, мои первые лаковые туфли... Отвели очередь... отвели жизнь...

Памятник...

Клава заболела и всё пошло наперекосяк в отлаженном годами быту. Она лежала в центре огромной кровати, говорила с трудом, и из ее глаз постоянно текли слёзы. Клаву недолюбливали в родне, читали невероятно жадной за её практичность и бытовую смекалку. Её презирали за мелочную экономию, самодельные авоськи, уценённые продукты и перелицованные вещи. К ней не любили ходить в гости из-за того, что все блюда подавались порционно, а выпивки хватало ровно на один тост. Но никто так и не заметил, как тесная комнатуха в коммуналке была заменена на просторную трёшку в райкомовском доме, квартира заставлена импортной мебелью, дети обучены в лучших ВУЗах и на столе появилось теперь уже всем привычное изобилие. И вот болезнь. Вася, ее муж, просто растерялся от обрушившихся на него затрат: врачи, медсестры, лекарства. Но за женой ухаживал самоотверженно, справедливо полагая, что хоть на сиделке он сможет сэкономить. Клава молча сносила неуклюжие попытки мужа обиходить её, и только когда уж совсем было невтерпёж – со свистом втягивала в себя воздух и тихонько стонала. Однажды ночью ей стало совсем плохо. Вызвали детей и близких родственников. С трудом выталкивая из себя слова, она просипела: « Прошу... исполни... всю жизнь... ничего....для себя....памят-

ник... не пожалей... на поминках сэкономь...» Враз постаревший Вася, рыдая, целовал руки умирающей, и обещал и памятник из мраморной крошки, и гравировку любимого фото на нем, и свежие цветы к каждому празднику. Клава улыбнулась из последних сил и крепко уснула.

А Васю и вовсе одолела бессонница и он, как тень, бесшумно скользил по паркету в ковровых тапках, беззвучно шевеля губами, складывая и умножая одному ему известные цифры, безумно раздражая зареванную дочь. Прошло несколько дней – умирание затянулось. Родственники и дети разъехались по домам и работам, готовые собраться вместе по первому звонку. Однажды, проснувшись чуть позже обычного, Вася с изумлением обнаружил супругу на кухне, с аппетитом уплетающую импортную ветчину, привезенную кем-то к предстоящим поминкам. Клава неожиданно выздоровела! О смерти было забыто, но заодно было покончено и с экономией. С удовольствием проветривались пронафталиненные шубы, кроились дефицитные отрезы, покупались немислимо дорогие продукты. И однажды речь зашла даже о поездке на курорт. Вася крепился, не подавал виду, тайком продолжал экономить хотя бы на трамвайных билетах и яростно торговался на рынке за каждую морковь. Скандал разгорелся, как это обычно бывает, из-за чепухи. Клава отказалась перелицовывать воротничок старой рубашки. «Жмот!» – закричала она. «Всю жизнь мне искалечил! Ни одного платья нового не износила, ни одного кус-

ка целого не съела! Надоело! Надоело!» Она разорвала рубашку в клочья и разрыдалась. Лопнуло наконец-то терпение и у Васи: «Агааааааааааа! Захотела!!!!!!!!!!!!!! Памятник! Мраморный! А тумбочку фанерную со звездочкой слабо!!!!!!!!!! И цветы пластмассовые раз в год!»

Обоих давно нет с нами. И памятники у обоих мраморные. Вспоминая эту историю, мы всегда смеемся. А с выгравированной фотографии на нас смотрит, кокетливо щурясь, Клава, которая и в своих перелицованных платьях всегда была одета лучше всех.

ЧЕРВЯЧИНАЯ ЛЮБОВЬ...

- У Вас есть с кем завтракать в Пасху? —
- С кем Вы завтракаете в Пасху? —
- Что Вы понесете на Завтрак в этом году? —

это обычные вопросы в нашем Доме перед Пасхой. Это единственный праздник в году, когда гости не у нас, а мы идем в гости. Дед с Бабой отправляются в гости. Не иметь друзей, с кем завтракают в Пасхальное утро – моветон. К этому завтраку уже два дня все жарится, парится, готовится в нашем доме. Складывается и упаковывается в корзинку. На завтрак идут пешком по Боне, вместо того, чтобы доехать на машине за пять минут. Так заведено. А завтракать идем мы к Червякам. И я как вечный хвостик и любимая внучка иду с ними, «в придачу» и несу свое пасхальное яйцо в кро-

шечной корзинке. Червяк – это такая фамилия. Рассматривая червяков в саду я думала, ну неужели наши Червяки им родня. Сам Червяк может и родня – длинный, худой, лысоватый. Но Червячиха – огромная, под пуд весом, круглая, с бордавкой на крупном же носу – видимо родня не только Божьей коровке, но и майскому жуку... Но самое главное у них была «червячиная любовь». После застолья, наевшись до отвала «дэликатэсов» взрослые садились «гулять в карты». Пара против пары. В подкидного. И начиналась «червячиная любовь». Так говорила наша Баба, и так шутя называли это все их друзья, за спиной, разумеется. Это означало, что Червяк будет все время хоть пальчиком, хоть мизинчиком касаться своей супруги, заправлять ей прядку за ушко, касаться подбородком плеча, заглядывая в карты, поглаживать плечико и под столом слегка наступать ей на ногу. И в большой, и в малой компании друзей, на банкете и на пикнике, все ждали начала этой самой «червячиной любви» и всячески пытались превратить это в шутку. Их рассаживали подале друг от друга за карточным столом, определяли в играх в разные команды, усаживали в разные углы гостиной во время домашних концертов. И не уставали восхищаться тем как изобретательно Червяк подбирался к своей Червячихе. И вот из жизни ушел Червяк. В пасхальный завтрак собралась все та же компания, уже изрядно постаревшая и поредевшая в своем составе. Червячиха посмотрела на пустой стул Червяка и сказала: " Вот и закончилась наша «червячи-

ная любовь». Она все знала. И пожила еще без него пару лет, но как-то совсем уж безрадостно и без аппетита. И больше не устраивала пасхальных завтраков.

– А с кем завтракаете Вы на Пасху? —

Перевод...

«Жил король в прекрасном дворце и было у него все, что он только захочет...» – коверкая слова читает по английски Степка. Уши у него лопушистые и прозрачные.

«Теперь переводи!» – говорю я.

«Жил король ну просто очень хорошо!» – переводит Степка.

«Неправильно! Ну-ка прочти по внимательней!» – настаиваю я.

«Да правильно я перевел!» – уши понемногу краснеют и подрагивают.

«Вот как надо!» – кричит нетерпеливо Крылов и переводит правильно.

«Ну так я ж и говорю – жил этот ваш король просто зашибись!» – теряют терпение уши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.